

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛЯЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК XIII

СТРАНЫ И НАРОДЫ БАСЕЙНА
ТИХОГО ОКЕАНА

Книга 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1972

Ю. В. Ионова

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАННЕЙ ИСТОРИИ КОРЕИ

Археологические памятники и древние китайские летописи свидетельствуют, что на рубеже нашей эры в жизни корейских племен произошли существенные сдвиги. В области земледелия появилось поливное рисосеяние и широкое распространение получили железные сельскохозяйственные орудия. Поливное земледелие прочно прикрепляло население к земле. Постоянные поселения располагались на холмах, в удобных для земледелия речных долинах. В наиболее крупных из них жило по несколько десятков семей. Семьи были малыми, о чем свидетельствуют обнаруженные археологами небольшие землянки с одним очагом в центре. Различные формы погребения говорят, что уже существовало социальное и имущественное неравенство.

Процесс разложения первобытных отношений шел быстрее у северных племен, развитие которых ускорялось связями с более развитым в экономическом и культурном отношении Китаем. К этому времени на крайнем севере Кореи складывается союз общин Пуё, на северо-востоке и востоке — Окчо и Ё и на юге — три таких союза Хан. Население этих владений, как отмечают китайские летописи, жило оседло, обрабатывало землю с помощью плуга, умело выплавлять железо, выделявало тонкие льняные и шелковые ткани.

В первых веках нашей эры на территории Кореи складываются древние государства Когурё, Пэкче и Силла. Относительно социально-экономического строя этих государств существуют различные мнения [13, 166—180; 15, 217—220]. В общих работах советских историков говорится о феодальном характере Когурё, Пэкче и Силла [3, 591]. Большинство корейских ученых во главе с Пэк Нам Уном утверждают, что эти государства были рабовладельческими [21]. Однако эта концепция вызвала возражения у корейского историка Ким Кван Чжина, который считает, что Корея миновала в своем развитии рабовладельческую формацию и от первобытного общества перешла к феодализму [16, 17]. Советский историк М. В. Воробьев пишет, что в эпоху «трех государств» существовали элементы и рабовладения и феодализма с преобладанием последних [5, 126].

Для окончательного решения вопроса о социально-экономическом строе трех государств в Корею необходимо конкретное рассмотрение процесса образования классового общества и государства. По вопросу о путях эволюции социальных интересов доклассового общества, приведших к созданию этих государств, также нет единого мнения. Так, во «Всемирной истории» сказано, что они выросли из племенных сою-

зов, имевших те же названия [6а, т. II, 577, т. III, 47]. Иной точки зрения, согласно которой базой возникновения первых корейских государств послужили не племенные союзы, а объединения общин, придерживается корейский ученый Лин Гон Сан [7, 33]. Этот вывод разделяет советский исследователь Кореи и переводчик древних летописей М. Н. Пак. В работе, посвященной анализу социально-экономического строя государства Силла, он на материалах корейской летописи показал, как в ходе интенсивных войн община Соро стала ядром этого государства [13, 27]. Процесс образования государств на основе общины или союза общин отмечен и в других регионах. И. М. Дьяконов, используя античные, переднеазиатские и иранские материалы, пришел к выводу, что именно на основе общинных объединений (а не племенных союзов) обычно создаются с переходом к классовому обществу первичные государства [6, 24].

Определенные сведения о возникновении древних государств в Корее дают китайские и корейские источники. В китайской летописи «Сань-го чжи» рассказывается, что основу Когурё составляли пять «цзу», каждая из которых образовывала «бу» [14, 120]. В корейской летописи «Самкук саги» повествуется, что государство Силла сложилось из шести «бу», образованных пришлыми из Чосона [9, 71].

В письменных памятниках имеются сведения о том, как одна из «бу» постепенно завоевывает политическое и экономическое главенство. Из пяти «цзу» Когурё сначала Еннобу, а затем Кэробу выдвигали из своей среды правителя [14, 120]. Те же процессы выделения одной «бу» мы наблюдаем и в Силла. По данным «Самкук саги», первые правители Силла выбирались всеми шестью «бу», но затем ведущую роль стала играть одна из них, которая и выдвигала правителя-вана. В дальнейшем власть вана начала передаваться по наследству от отца к сыну. Правители совмещали светские и религиозные функции. Они считались воплощением мифического первопредка и поэтому как бы олицетворяли собой единство коллектива [9, 78].

Вопрос о характере социальных организмов, скрывающихся за названиями «цзу» и «бу», весьма сложен. В трактовке и переводе этих терминов существуют разногласия. Так, при переводе летописей М. Н. Пак «цзу» трактует как род [11, 120], а «бу» как общину [14, 71] или как округ [14, 72]. По его мнению, «следующие за названиями (Еннобу, Чольнобу, Суннобу и т. д.— Ю. И.) окончания *бу* показывают, что первоначальное деление Когурё на эти родовые или племенные группы впоследствии стало служить для обозначения территориального деления» [11, 134]. Русский синолог Бичурин термины «цзу» и «бу» переводит как роды или колена [2, 25, 38]. Н. В. Кюнер склонен рассматривать их как поколения [10, 339]. Японский исследователь древней истории Кореи Мисина Сёэй рассматривает «цзу» Когурё как пять племен, близких к государственным объединениям [20, 16], а «бу», с одной стороны, как социальную структуру, близкую к клановой организации северных тунгусов [20, 34], с другой — как территориальную единицу [20, 32].

Эта попытка Мисины противопоставить «цзу» и «бу» вызывает возражение. В летописи говорится, что пять «цзу» Когурё были «бу» (Еннобу, Кэробу и т. д.). И если допустить, как это делает Мисина, что «цзу» — это племя, а «бу» — клан, то получится, что одно племя Когурё состояло из одного клана. Клан, подобно роду, экзогамная группа родственников (очень часто между кланом и родом не делается различия). Как известно, в состав племени входит несколько взаимобрачающихся родов. Без этого нет племени. Одна экзогамная груп-

па не может составить племени. Следовательно, «цзу» не представляло собой племя. И правы русские синологи, которые «цзу» трактовали как род, колено.

Об экзогамном же характере отношений в «бу» свидетельствуют материалы корейских летописей. В «Самкук саги» рассказывается, что в 9 г. (32 г. н. э.) жителям в «бу» Силла были даны общие фамилии — *син*. Например, все жители Янсанбу получили фамилию Ли, Кохобу — фамилию Чжозэ и т. д. [9, 78]. В Корее до настоящего времени лица, носящие одну фамилию — *син* и происходящие из одного места, составляют экзогамную группу, браки между членами которой запрещены. Таким образом, «бу» была экзогамным, родственно-территориальным объединением, иными словами, представляла общину. Община, как отмечают корейские историки, состояла из отдельных семей, составляющих самостоятельную хозяйственную единицу [7, 40]. В состав «бу» входили не только единокровные родственники (члены одного рода), но и свойственники по браку (лица из других «бу») ¹, поэтому это не было родовым объединением, а представляло собой семейно-родовую общину, на базе которой с введением системы *син* развивается большесемейная община.

Система *син*, заимствованная из Китая, усиливала патриархальные традиции в корейских семьях. Она определяла строгую иерархию между семьями, деление на главные и боковые семьи, регулировала и правила наследования, закрепляла преимущества прямых потомков по мужской линии [23, 1—6]. Система *син* способствовала созданию больших патриархальных семей, занимавших отдельное селение. Подобные общины однофамильцев — *тонъчжок пурак* — сохранялись в Корее до начала XX в. [22, 29—41].

В уже упоминавшемся выше отрывке из «Самкук саги», описывающем события 9 г. (32 г. н. э.), говорится и о введении системы чинов из 17 степеней [9, 78]. Это свидетельствует о складывании развитого государственного аппарата управления. И хотя хронологическая достоверность этого сообщения ставится под сомнение ², для нас важно, что присвоение фамилий происходило одновременно с учреждением сложной иерархической чиновничьей структуры. Социально-политический смысл оформления бюрократического аппарата ясен. Очевидно, что и введение системы *син* преследовало цель укрепления основ государственности.

Присвоение *син* определенной группе населения отражало происходящие тогда процессы социального расслоения, выделение привилегированных общинников, находящихся в «родстве с ваном». Источники содержат много свидетельств о расширении древнекорейских государств путем завоевания или подчинения соседних областей. На базе общин там создавались административные налоговые единицы *пугок*, *хянь*, *со*, *чу*, *чань* [19, 167]. В этих поселениях долго сохранялась общинная организация [18, 8]. Социальный статус населения этих общин характеризуется по-разному. Пак Нам Ун рассматривает их как рабов или государственных крепостных [21, 350—354]. Ему с полным основанием возражает М. Н. Пак: «Нам кажется не убедительной попытка

¹ У корейцев до настоящего времени наряду с *син* сохраняются и древние имена — *хон* (топонимические имена, связанные с местом происхождения мужского предка и передаваемые по мужской линии), объединяющие единокровных родственников, но не родственников по браку.

² М. Н. Пак считает, что введение 17 чиновничьих степеней могло произойти позже [12, 300]. Внедрение системы *син* в Когурё Мисина относит к 413 г., в Пэкче — к 370 г., в Силла — к 565 г. [20, 45].

Пэк Нам Уна представить в качестве рабов все население сельских общин (пугок), которое имело свои орудия производства и вело индивидуальное хозяйство, но было обязано отдавать часть своей продукции государству, собственнику земли» [12, 38]. Население пугок, видимо, следует отнести к категории «неравноправных» общинников, во всяком случае, их социальное положение было иное, чем собственно общин Силла или Когурё,— им не присваивали син. Впоследствии син имело только привилегированное сословие Кореи.

Создание раннекорейских государств происходило на основе разложения внутриобщинных отношений, превращения вождей и старейшин в правящий слой, а массы общинников — в податное сословие. Согласно «Сань-го чжи», каждая община Когурё делилась на малые (*сога*) и большие (*тэга га*) — дома. В случае военных столкновений тэга защищали общину, сога кормили их. Социальное неравенство общинников подчеркивалось и в одежде — только тэга могли носить шелковую одежду и особые головные уборы, причем форма головного убора зависела от ранга. Только тэга имели право строить храмы предков [9, 120].

В результате древнекорейское общество разделилось на простых общинников *хахо*, живущих в сельских общинах, и на аристократию тэга, основным местопребыванием которой являлись города. В руках тэга были сосредоточены функции управления, обороны и жреческие обязанности. Сословие тэга отделилось от общины, не участвовало в производстве. По свидетельству «Сань-го чжи», «большие дома в центре страны не обрабатывают полей, более десяти тысяч человек живут в праздности, а хахо издалека приносят и поставляют им хлеб, рыбу и соль» [9, 120].

Таким образом, экономическую основу древних корейских государств составляла эксплуатация простых общинников хахо; при увеличении территории и населения эксплуатация возможна была только при развитии и усложнении аппарата управления — чиновничьей иерархии. Такой бюрократический аппарат вырос на основе общинной аристократии.

Этот тезис подтверждается анализом названий чиновничьих рангов, большинство которых восходит к словам, обозначающим старейшину или вождя. Исторический процесс превращения старейшин рода или общины в чиновников отражен в летописи, где часты упоминания о присоединении при присоединении земель старейшинам общин определенного чина. В «Сань-го чжи», например, рассказывается о том, что при присоединении к Когурё небольшой области Окчо туда был послан специальный чиновник, чтобы осуществлять управление, а также побуждать местную знать — тэга — исправно собирать и поставлять дань (налоги). Люди Окчо должны были поставлять пеньковые холсты, рыбу, соль, морские съедобные продукты [9, 123—124]. В другом месте говорится, что у покоренного Когурё народа Ё (Вэй) местные вожди (старейшины) были возведены в чиновничьи звания (*ху*) и управляли хахо [9, 126].

Подобные процессы наблюдаются и у других народов. В. Р. Кабо на материале народов Океании убедительно показал, как на основе внутриобщинного расслоения, формирования института вождей, эксплуатирующих рядовых общинников, создаются классы и ранние государства. В. Р. Кабо пришел к выводу, что первой формой эксплуатации не обязательно является эксплуатация военнопленных (т. е. рабов), что ведущей тенденцией классового образования в Океании был процесс внутриобщинного расслоения [8, 57—68].

Общинная база создания ранних государств в Корее определила характер производственных отношений. Государственная собственность на землю создавалась на базе общинной, коллективной собственности [12, 39].

В Корее категория частнособственнических земель развивалась медленно. Корейская средневековая летопись «Корёса» сообщает, что даже в более поздний период «по обычаю [люди] не осмеливались иметь частные земли» [цит. по 4, 25]. В Корее класс эксплуататоров формировался не на отчуждении или присвоении земель, а в процессе превращения правящего сословия в бюрократический аппарат. «Собственность на землю (в государственной форме) служила,— подчеркивает М. Н. Пак,— экономической основой господства правящего класса в Силла, который образовался не только из аристократии шести силланских общин, но и из знати покоренных племен. Основную массу эксплуатируемых составляли лично свободные крестьяне, которые представляли население сельских (крестьянских) общин. Экономически эти отношения между господствующим и эксплуатируемым классами определялись государственной собственностью на землю (господствующий класс, составляя правящую бюрократию, эксплуатировал сидящего на государственной земле и зависимое от государства крестьянство)» [12, 43, 44].

Итак, в древнекорейских государствах, во-первых, существовала государственная собственность на землю; во-вторых, основу государств составляла сельская община; в-третьих, частная собственность на землю развивалась медленно — общинникам противостояли не частные землевладельцы, а государь (ван) и государственные чиновники, образующие правящее сословие, которые не являлись собственником земли и не были поэтому классом феодалов, но были классом эксплуататоров³; в-четвертых, основным эксплуатируемым сословием являлись общинники. Все эти признаки, как нам кажется, свидетельствуют о том, что социально-экономический строй в этих трех государствах представлял своеобразную форму, близкую к той, которую К. Маркс характеризовал как «азиатскую». В «большинстве основных *азиатских* форм *объединяющее единое начало*, стоящее над всеми этими мелкими общинами, выступает как *высший собственник* или *единственный собственник*, в силу чего действительные общины выступают лишь как *наследственные* владельцы» [1, 463], — писал К. Маркс. И далее: «Часть прибавочного труда общины принадлежит более высокой общине, существующей, в конечном счете, в виде одного *лица*, и этот прибавочный труд дает о себе знать как в виде дани и т. п., так и в совместных работах для прославления единого начала, — отчасти действительного деспота, отчасти воображаемого племенного существа, бога» [1, 464].

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 46, ч. 1, стр. 461—508.
2. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. II, М.—Л., 1950.

³ Первые сведения о раздаче чиновникам государственных земель ваном относятся к 687 г., но уже через два года (в 689 г.) система пожалованных земель (чанвон) была отменена и восстановлена лишь в 757 г. В X в. был издан указ, подтверждающий право собственности государства на все земли и декретировавший частное землевладение. Количество государственных земель и частных владений к этому периоду было равным.

3. Большая Советская Энциклопедия, т. 22.
4. Ванин Ю. В. Феодалная Корея XIII—XIV вв., М., 1962.
5. Воробьев М. В. Древняя Корея, М., 1961.
6. Дьяконов И. М. Община на древнем Востоке,— «Вестник древней истории», 1963, № 1, стр. 16—35.
- 6а. Всемирная история, т. II, III, М., 1956, 1957.
7. История Кореи, ч. 1, М., 1960.
8. Кабо В. Р. Становление классового общества у народов Океании,— «Народы Азии и Африки», 1966, № 2, стр. 57—68.
9. Ким Бусик, Самкук саги (Летописи трех государств), пер. М. Н. Пака, М., 1959.
10. Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, М., 1961.
11. Пак М. Н. Описание корейских племен по «Сань-го чжи»,— «Проблемы востоковедения», 1961, № 1, стр. 115—139.
12. Пак М. Н. «Летописи Силла» и вопросы социально-экономической истории Кореи,— Ким Бусик, Самкук саги, М., 1959, стр. 15—58.
13. Пак М. Н. Некоторые спорные вопросы истории Кореи (в связи с выходом в свет I тома «Истории Кореи»),— «Вопросы истории», 1957, № 8, стр. 166—180.
14. Сань-го чжи, пер. М. Н. Пака,— «Проблемы востоковедения», 1957, № 1, стр. 115—139.
15. Хан Чан Хо, Дискуссия о рабовладельческом строе в Кореи,— «Вопросы истории», 1957, № 5, стр. 217—220.
16. Ким Кван Чжин, Чосон-э иссо-ы понъгон чедо-ы палччон квачжон (Процесс развития феодализма в Кореи),— «Екса квахак», 1955, № 8, стр. 11—40; № 9, стр. 37—69.
17. Ким Кван Чжин, Самкук сидэ-ы сахва — кёнъчже кусонъ-э кванхан мёткачжи мунчжэ-э тэхаё (Летописи эпохи трех государств — некоторые вопросы структуры власти),— «Екса квахак», 1956, № 5, стр. 1—25; № 6, стр. 10—41.
18. Ким Сок Хён, Чосон понгсон ситэ нонминный кегып кусон (Классовая структура крестьянства феодального периода в Кореи), Пхеньян, 1957.
19. Лим Гон Сан, Чосон-ый пугокчэ-э кванхан ёнгу (Исследование общины в Кореи), Пхеньян, 1963.
20. Мисина Сёэй, Когурё-но годзоку (Пять племен Когурё),— «Чёсэн Гакухо», 1954, № 6, стр. 12—49.
21. Пэк Нам Ун, Чёсэн сьякай кейдзаси (Социально-экономическая история Кореи), Токио, 1933.
22. Чен Чян Сек, Пукчхенъ чипанъ-ы минсок (Народные обычаи в районе Пукчхен),— «Мунхван юса», 1957, № 4, стр. 29—42.
23. Ясуй Сэйитиро, Чёсэн-но син (Корейские фамилии), Сеул, 1934.